

ЖУТКАВА

КОМНАТА

ЯНТАРНАЯ

КОМНАТА

СБОРНИК

НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИХ
ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАД 1961

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

СВЕЧИ ПЕРЕД ПУЛЬТОМ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Б

ыло непривычно темно и неудобно, зарево городских огней ушло за черные холмы, и Званцеву казалось, что машина идет через пустыню. В полночь пошел дождь. На шоссе стало скользко, и Званцев сбавил скорость. Впереди на шероховатом мокром бетоне плясали белые пятна света фар. Встречных машин не было. Последнюю встречную машину Званцев видел перед тем, как свернул на шоссе к институту. В километре от поворота был поселок, и его удивило, что, несмотря на поздний час, почти все окна освещены, а на веранде большого кафе, у дороги, полно людей. Званцеву показалось, что они чего-то ждут.

Акико оглянулась.

— Они все смотрят нам вслед, — сказала она.

— Наверное, они думают, что мы врачи.

Освещенный поселок был последним, который они видели. Кажется, они проехали еще два поселка, но огней больше не было.

— Где-то здесь должен быть завод бытовых приборов, — сказал Званцев. — Ты не заметила?

— Нет, — ответила Акико.

— Никогда ты ничего не замечаешь.

— За рулем — ты, — сказала Акико. — Пусти меня за руль, я буду всё замечать.

— Ну уж нет.

Он резко затормозил, и машину занесло. Она боком проползла по взвизгнувшему бетону и остановилась. Фары осветили сигнальный столб. Сигнальных огней не было, надпись на указателе казалась выцветшей: «Свердловский институт биологического кодирования — 21 км». Под указателем был прибит перекошенный фанерный щит с корявой надписью: «Внимание! Включите все нейтрализаторы! Сбавить скорости! Впереди заставка!» И то же самое на китайском и английском. Буквы были большие, с черными потеками.

— Ого, — сказал Званцев, полез под руль и включил нейтрализаторы.

— Какая заставка? — спросила Акико.

— Какая заставка, я не знаю, — сказал Званцев, — но, видимо, тебе нужно было остаться в городе.

— Глупости, — сказала Акико.

Когда машина тронулась, она осторожно спросила

— Ты думаешь, что нас не пропустят?

— Я думаю, что тебя не пропустят.

— Тогда я подожду, — спокойно сказала Акико.

Машина медленно и беззвучно катилась по шоссе. Званцев сказал, глядя перед собой:

— Мне бы все-таки хотелось, чтобы тебя пропустили.

— Мне бы тоже, — я очень хочу проститься с ним..

Званцев молча глядел на дорогу.

— Мы редко виделись последнее время, — продолжала Акико. — Я очень люблю его. Я не знаю другого такого человека. Никогда я не любила отца, как люблю его. Я даже плакала...

«Да, плакала, — подумал Званцев. — Океан был черносиний, и небо было синее-синее, и лицо Окадо было опухшим и синим, когда я и Хен Чоль осторожно вели его к конвертоплану. Под ногами скрипел раскаленный коралловый песок; ему было трудно идти, он то и дело повисал у нас на руках, но ни за что не соглашался чтобы мы несли его. Глаза его были закрыты, и он

виновато бормотал: «Гокуро-сама, гокуро-сама». Сзади и сбоку молча шли океанологи. Акико шла рядом со мной, держа обеими руками, как поднос, знаменитую на весь океан потрепанную белую шляпу, и горько плакала. Это был первый, самый страшный приступ болезни — шесть лет назад, на безымянном островке в пятнадцати милях к западу от рифа Октопус».

— ...я тридцать лет знаю его. Почти столько, сколько тебя. Мне очень хочется проститься с ним, — прервала его думы Акико.

Из мокрой темноты выплыла и прошла над головами решетчатая арка микропогодной установки. На синоптической станции не было огней. «Установка не работает, — подумал Званцев. — Вот почему эта мерзость с неба». Он покосился на жену. Акико сидела, забравшись на сиденье с ногами, и глядела прямо перед собой. На ее лицо падали отсветы от циферблатов на пульте, и оно казалось сосредоточенным и очень молодым, как тридцать два года назад, когда она вот так же сидела справа от работника Океанской Охраны Званцева в его одноступенчатой субмарине, в первом своем глубоководном поиске. Только тогда лицо ее освещали огоньки глубоководных креветок, стукавшихся об иллюминатор.

— Что здесь происходит? — сказал Званцев. — Какая-то мертвая зона.

— Может быть, он уже...

— Вздор.

— И все ушли к институту...

— Вздор, — решительно повторил Званцев. — Вздор.

Далеко впереди показался неровный красный огонек. Он был слаб и мерцал, как звездочка на беспокойном небе. На всякий случай Званцев сбавил скорость. Теперь машина катилась очень медленно, и стал слышен шорох дождя. В свете фар появились три фигуры в блестящих мокрых плащах. Они стояли прямо посередине шоссе; перед ними поперек шоссе лежало мокрое бревно. Тот, что стоял справа, держал над головой большой коптящий факел. Он медленно размахивал им из стороны в сторону. Званцев подвел машину поближе и остановился. «Ну и застава», — подумал он. Человек с факелом что-то крикнул неразборчиво в шорохе дождя, и все трое быстро пошли к машине, неуклюже шагая в огромных мокрых плащах.

— Двигатель! — крикнул человек с факелом. Он по-дошел вплотную. — Выключите двигатель, наконец!

Званцев выключил двигатель и вылез на шоссе под мелкий частый дождь.

— Я океанолог Званцев, — сказал он. — Я еду к академику Окада.

— Выключите свет в машине! — сказал человек с факелом. — Да побыстрее, пожалуйста!

Званцев повернулся, но свет в кабине уже погас.

— Кто это с вами? — спросил человек с факелом.

— Океанолог Канда, — сказал Званцев сердито. — Моя жена.

Трое в плащах молчали.

— Мы можем ехать дальше? — спросил Званцев.

— Я оператор Михайлов, — сказал человек с факелом. — Меня послали встретить вас и передать, что к академику Окада нельзя.

— Об этом я буду говорить с профессором Каспаро, — сказал Званцев. — Проводите меня к нему.

— Профессор Каспаро очень занят, — сказал Михайлов. — Мы бы не хотели, чтобы его тревожили.

— Я имею для академика сообщение чрезвычайной важности, — сказал Званцев. — Проводите меня к Каспаро.

Трое молчали, и красный неровный свет пробегал по их лицам. Лица были мокрые, осунувшиеся.

— Ну? — сказал Званцев нетерпеливо. Вдруг он заметил, что Михайлов спит. Рука с факелом дрожала и опускалась все ниже. Глаза Михайлова были закрыты.

— Толя, — сказал один из его товарищей и толкнул его в плечо. Михайлов очнулся, мотнул факелом и устоялся на Званцева припухшими глазами.

— Что? — сказал он хрипло. — А, вы к академику... К академику Окада нельзя. На территорию института вообще нельзя. Уезжайте, пожалуйста.

— Я имею чрезвычайной важности сообщение для академика Окада, — терпеливо повторил Званцев. — Я океанолог Званцев, а в машине океанолог Канда.

— К Окада сейчас нельзя, — сказал Михайлов. — Он умрет в ближайшие четверть суток, и мы можем не успеть. — Он едва шевелил губами. — Профессор Каспаро очень занят и просил не беспокоить.

Он вдруг повернулся к своим товарищам.

— Ребята, — сказал он с отчаянием, — дайте еще две таблетки.

Званцев стоял под дождем и думал, что еще можно сказать этому человеку, засыпающему на ходу. Михайлов стоял боком к нему и, запрокинув голову, что-то глотал. Потом Михайлов сказал:

— Спасибо, ребята, я совсем падаю. У вас здесь все-таки дождь, прохладно, а у нас просто валяются с ног, один за другим, поднимаются и опять валяются... Тогда уносим... — Он все еще говорил невнятно.

— Ничего, последняя ночь...

— Девятая, — сказал Михайлов.

— Десятая.

— Неужели десятая? У меня голова как чугун. — Михайлов повернулся к Званцеву. — Извините меня, товарищ...

— Океанолог Званцев, — сказал Званцев в третий раз. — Оператор Михайлов, вы должны нас пропустить. Мы только что прилетели с Филиппин. Мы везем академику информацию, очень важную информацию. Он ждал этого всю жизнь. Поймите, мы знаем его тридцать лет... Это чрезвычайно важная информация.

Акико вылезла из машины и встала рядом с ним. Оператор молчал, зябко потирая руки.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Только вас слишком много. — Он так и сказал: «Слишком много». — Пусть идет один.

— Ладно, — сказал Званцев.

— Только, по-моему, это бесполезно, — сказал Михайлов. — Каспаро не пустит вас к академику. Академик изолирован. Вы можете испортить весь опыт, если нарушите изоляцию.

— Я буду говорить с Каспаро сам, — сказал Званцев. — Проводите меня.

— Хорошо, — сказал оператор.

Званцев оглянулся на Акико. На лице Акико было много больших и маленьких дождевых капель. Она кивнула и сказала:

— Иди, Николай.

Потом она повернулась к людям в плащах:

— Дайте ему плащ кто-нибудь, а сами полезайте в машину. Можно поставить машину поперек шоссе.

Званцеву дали плащ. Акико хотела вернуться в машину и развернуть ее, но Михайлов сказал, что двигатель включать нельзя. Он стоял и светил своим неуклюжим коптящим факелом, пока машину вручную разворачивали и ставили поперек дороги. Затем все забрались в кабину. Званцев заглянул внутрь. Акико снова сидела свернувшись на переднем сидении. Товарищи Михайлова уже спали, уткнувшись головами друг в друга.

— Передай ему... — сказала Акико.

— Да, обязательно.

— Скажи, что мы будем ждать.

— Да. Скажу.

— Ну, иди.

Званцев осторожно прихлопнул дверцу и подошел к оператору.

— Пойдемте.

— Пойдемте, — откликнулся оператор совсем новым, очень бодрым голосом. — Пойдемте быстро, нужно пройти семь километров.

Они пошли, широко шагая, по мокрому шершавому бетону.

— Мерзость, верно? — сказал оператор.

— Что?

— Факел — мерзость, правда? Такая дрянь. Чувствуете, как он воняет?

Званцев принялся и отошел на два шага в сторону.

— Да, — сказал он. От факела воняло нефтью. — А зачем это?

— Так приказал Каспаро. Никаких электроприборов, никаких ламп. Мы стараемся свести все неконтролируемые помехи к минимуму. Кстати, вы курите?

— Да.

Оператор остановился.

— Дайте зажигалку, — сказал он. — И ваш радиодфон. Есть у вас радиодфон?

— Есть.

— Давайте все мне. — Михайлов забрал зажигалку и радиодфон, разрядил их и выбросил аккумуляторы в кювет. — Извините, но так надо. Здесь на двадцать километров в округе не работает ни один электроприбор.

— Вот оно в чем дело, — пробормотал Званцев.

Они снова быстро пошли под непрерывным дождем.

— Теперь я понимаю, откуда этот дождь, — сказал Званцев, помолчав. — То есть, я понимаю, почему выключены микропогодные установки.

— Нет-нет! — воскликнул оператор. — Микропогодные установки — это само собой, а дождь нам гонят специально с Ветряного Кряжа. Там есть континентальная установка, знаете?

— Зачем это?

— Закрываемся от прямого солнечного излучения.

— А разряды в тучах?

— Тучи приходят пустые, их разряжают по дороге. Вообще опыт получился гораздо грандиознее, чем мы сначала думали. Весь Северный Урал работает на нас.

— И пока все благополучно? — спросил Званцев.

Оператор промолчал.

— Вы меня слышите? — спросил Званцев.

— Я не могу вам ответить, — сказал Михайлов неохотно. — Мы надеемся, что все идет как надо. Принцип проверен, но это первый опыт с человеком. Сто двадцать триллионов мегабит информации, и ошибка в одном бите может многое исказить начисто.

Михайлов замолчал, и они долго шли молча. Званцев не сразу заметил, что они идут через поселок. Поселок был пуст. Слабо светлели матовые стены коттеджей, в окнах было темно. За ажурными изгородями в мокрых кустах кое-где чернели распахнутые ворота гаражей.

Оператор забыл про Званцева.

«Еще часов шесть, и все будет кончено, — думал он. — Я вернусь домой и завалюсь спать. Великий Опыт будет закончен. Великий Окада умрет и станет бессмертным. Ах, как это хорошо! Но пока не придет время, никто не скажет, удался ли опыт. Даже сам Каспаро. Великий Каспаро». Михайлов потряс головой — тяжесть снова ползла на глаза, заволакивала мозг.

«Нет-нет, надо думать. Валерио Каспаро сказал, что надо начинать думать уже сейчас. Все должны думать, даже операторы, хотя мы слишком мало знаем. Но Каспаро сказал, что думать должны все. Великий Каспаро, в просторечии Валерий Константинович. Забавно, когда он работает-работает и вдруг скажет на весь зал: «Достаточно. Посидим немного, тупо глядя перед собой!» Эту фразу он где-то вычитал. Если в этот момент

спросить его о чем-нибудь, он скажет: «Юноша, вы же видите. Не мешайте мне сидеть, тупо глядя перед собой». Опять я не о том думаю...

Итак, прежде всего поставим задачу. Дано: комплекс физиологических нейронных состояний, говоря по-простому — живой мозг, жестко кодируется по третьей системе Каспаро — Карпова на кристаллическую квазибиомассу.

При должной изоляции жесткий код на кристаллической квазибиомассе сохраняется при нормальном уровне шумов весьма долго — время релаксации кода составляет ориентировочно двенадцать тысяч лет. Времени достаточно.

Требуется найти: способ перевода кода с квазибиомассы на живой мозг, то бишь, на комплекс физиологических функционирующих нейронов в нуль-состояниях. Кстати, для этого требуется еще и живой мозг в нуль-состоянии, но для такого дела люди всегда находились и найдутся, — например я. А может быть, обойдемся без живого мозга, если ленинградцы построят искусственный.

Вот... Короче говоря, мы закодировали мозг Окада на кристаллическую биомассу. Мы имеем шифр мозга Окада, шифр мыслей Окада, шифр его «я». И теперь требуется найти способ перенести этот шифр на другой мозг. Вопрос: как это сделать? Как? Хорошо бы догадаться прямо сейчас и порадовать Старика. Каспаро думает об этом четверть века. И вот сейчас прибежать к нему в мокром виде, как Архимед, и возопить: «Эврика!». Михайлов споткнулся и чуть не уронил факел.

— Что с вами? — спросил Званцев. — Вы опять засыпаете?

Михайлов посмотрел на него. Званцев шагал, подняв капюшон, засунув руки под плащ. Лицо его в красном бегающем свете казалось очень длинным и очень жестким.

— Нет, — сказал Михайлов. Я не сплю. Я думаю.

Впереди замаячила какая-то темная гряда. Они шли быстро и скоро догнали большой грузовик, который медленно тащился по шоссе. Званцев не сразу понял, что грузовик идет с выключенным двигателем. Его волокли два здоровенных верблюда.

— Эй, Санька! — крикнул оператор.

Щелкнула дверь кабинки. Высунулась голова в берете, повела блестящими глазами и скрылась.

— Чем могу? — спросили из кабинки.

— Дай шоколадку, — сказал Михайлов.

— Возьми сам, не хочется вылезать. Мокро.

— И возьму, — бодро сказал Михайлов и куда-то скрылся вместе с факелом. Стало очень темно. Званцев пошел рядом с грузовиком, приноравливаясь к верблюдам. Верблюды еле плелись.

— Быстрее они не могут? — проворчал он.

— Они, подлые, не хотят, — слышался голос из кабины. — Я пробовал лупить их палкой, но они только плюются. — Голос помолчал и добавил: — Четыре километра в час. И заплевали мне плащ.

Верблюды пренебрежительно засопели.

— Вы бы отошли в сторонку, — сказал водитель. — Впрочем, сейчас они, кажется, ничего.

Понесло нефтью, и рядом снова появился Михайлов. Факел его чадил и трещал.

— Пойдемте, — сказал он. — Теперь уже близко.

Они легко обогнали упряжку, и скоро по сторонам дороги появились невысокие темные строения. Приглядевшись, Званцев увидел впереди в темноте огромное здание — черный провал в черном небе. В окнах кое-где слабо мигали желтые огоньки.

— Смотрите, — шепотом сказал Михайлов. — Видите, по сторонам дороги — блоки.

— Ну? — сказал Званцев тоже шепотом.

— Это блоки. В них квазибиомасса. Здесь он будет храниться.

— Кто?

— Мозг, — прошептал Михайлов. — Мозг!

Они вдруг свернули и вышли прямо к подъезду здания института. Михайлов откатил тяжелую дверь.

— Заходите, — пригласил он. — Только не шумите, пожалуйста.

В вестибюле было темно, прохладно и странно пахло. На большом столе посередине мерцало несколько толстых оплывших свечей. При свечах было плохо видно. Званцев сделал несколько шагов, зацепился плащом за стул, и стул повалился со звоном.

— Ай, — сказал кто-то сзади. — Толя, это ты?

— Я, — ответил Михайлов.

Званцев оглянулся. В углу вестибюля стояла красноватая полутьма, и когда Михайлов с факелом прошел туда, Званцев увидел девушку с бледным маленьким лицом. Она лежала на диване, закутавшись во что-то черное и длинное.

— Ты принес чего-нибудь вкусенького? — спросила девушка.

— Санька везет, — сказал Михайлов. — Хочешь шоколадку?

— Хочу, — сказала девушка.

Михайлов стал рыться в складках плаща.

— Иди смени Зину, — сказала девушка. — Пусть идет спать сюда. Теперь в двенадцатой спят мальчишки. А на улице дождь?

— Дождь.

— Хорошо. Теперь уже немного осталось.

— Вот тебе шоколадка, — сказал Михайлов. — Я пойду. Это товарищ к академику.

— К кому?

— К академику.

Девушка тихонько свистнула.

Званцев прошел через вестибюль и нетерпеливо оглянулся. Михайлов шел следом, а девушка сидела на диване и разворачивала шоколадку. При свете свечей только и можно было разобрать, что ее маленькое бледное лицо и странный серебристый халат с капюшоном. Михайлов сбросил плащ, и Званцев увидел, что он тоже в длинном серебристом халате. Он был похож на привидение в неверном свете факела.

— Океанолог Званцев, — сказал он, — подождите здесь немножко. Я пойду и принесу вам халат. Только, пожалуйста, пока не сбрасывайте плаща.

— Хорошо, — сказал Званцев и присел на стул.

* * *

В кабинете Каспаро было темно и холодно. Усыпляюще шумел дождь. Михайлов ушел, сказав, что позовет Каспаро. Факел он унес, а свечей в кабинете не было. Сначала Званцев сидел в кресле для посетителей у большого пустого стола. Потом поднялся, пробрался к окну и, упершись лбом в холодное стекло, стал глядеть в ночь. Каспаро не приходил.

«Будет очень тяжело без Окада, — думал Званцев. — Он мог бы жить еще лет двадцать, надо было больше беречь его. Надо было давным-давно запретить ему глубоководные поиски. Если человеку за сто пятьдесят и из этих полутора ста лет сто он провел на глубинах больше тысячи метров... Вот так и зарабатывают Синий паралич, будь он проклят...»

Званцев отошел от окна, направился к двери и выглянул в коридор. В длинном коридоре вдоль стен горели свечи. Откуда-то доносился голос, повторяющий одно и то же с размеренностью метронома. Званцев прислушался, но не разобрал ни слова. Потом из красноватых сумерек в конце коридора выплыли длинные белые фигуры и прошли мимо, словно проплыли по воздуху. Званцев увидел осунувшиеся темные лица под козырьками серебристых капюшонов.

— Хочешь есть? — сказал один.

— Нет. Спать.

— Я, кажется, поем...

— Нет, нет. Спать. Сначала только спать.

Они разговаривали негромко, но в коридоре было слышно далеко.

— Джин чуть не запорол свой сектор. Каспаро схватил ее за руку.

— О, черт побери...

— У него было такое лицо...

— Черт возьми!.. Черт возьми... Какой сектор?

— Двенадцать шестьсот три. Ориентировочно — слуховые ассоциации.

— Ай-ай-ай-ай-ай!..

— Каспаро послал ее спать. Она сидит в шестнадцатой и плачет.

Двое в белом исчезли. Было слышно, как они разговаривают, спускаясь по лестнице, но Званцев уже не разбирает слов. Он прикрыл дверь и вернулся в кресло.

Итак, какая-то Джин запорол сектор слуховых ассоциаций. Дрянная девчонка. Каспаро поймал ее за руку. А если бы не поймал? Званцев стиснул руки и закрыл глаза.

Он почти ничего не знал о Великом Опыте. Знал только, что это — Великий Опыт, что это самое сложное, с чем когда-либо сталкивалась наука. Закодировать распределение возбуждений в каждом из миллиардов

клеток мозга, закодировать связи между возбуждениями, связи между связями... Малейшая ошибка грозит необратимыми искажениями... Девчонка чуть не уничтожила целый сектор... Званцев вспомнил, что это был сектор номер двенадцать тысяч шестьсот три, и ему стало страшно. Если даже вероятность ошибки или искажения при переносе кода очень мала... Двенадцать тысяч секторов, триллионы единиц информации.

Каспаро все не приходил.

Званцев снова вышел в коридор. Он шел от свечи к свече на странный однообразный голос. Потом он увидел настежь распахнутую дверь, и голос стал совсем громким. За дверью был огромный зал, мерцающий сотнями огоньков. Званцев увидел протянувшиеся вдоль стен панели с циферблатами. Перед панелями сидели люди. Все они были в белом. Воздух в зале был тяжелый и теплый, пахло горячим воском. Званцев понял, что система вентиляции и кондиционирования отключена. Он вошел в зал и огляделся. Он искал Каспаро, но, если Каспаро и был здесь, его все равно нельзя было узнать среди людей в одинаковых серебристых халатах с низко надвинутыми капюшонами.

— Сектор восемнадцать семьсот двадцать два заполнен, — сказал голос.

В зале было нестерпимо тихо — только этот голос и шорох многих движений. Посредине зала Званцев разглядел большой стол и несколько кресел. Он прошел к столу и сел.

— Сектор восемнадцать семьсот двадцать три заполнен...

В одном из кресел напротив Званцева, уронив голову на руки, сидел широкоплечий человек. Он спал и громко вздыхал во сне.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать четыре заполнен...

Званцев поглядел на часы. Было три часа ночи. Он увидел, как в зал вошел человек в белом и исчез в полумраке, где ничего не было видно, кроме мигающих огоньков.

— Сектор восемнадцать семьсот двадцать пять заполнен...

К столу подошел человек со свечой, поставил свечу в лужицу воска и сел. Он положил на стол пачку бу-

маг, перевернул страницу и сейчас же уснул. Званцев видел, как его голова опускалась все ниже и ниже и, наконец, уткнулась в бумагу.

— Сектор восемнадцать семьсот двадцать шесть заполнен...

Званцев снова взглянул на часы. На заполнение двух секторов ушло полторы минуты. Десять суток идет Великое Кодирование, заполнено меньше двадцати тысяч секторов...

— Сектор восемнадцать семьсот двадцать семь заполнен...

Чья-то сильная рука легла на плечо Званцева.

— Почему не спите?

Званцев поднял голову и увидел усталое лицо под капюшоном. Званцев узнал его.

— Спать. Сейчас же...

— Профессор Каспаро... — Званцев встал.

— Спать, спать... — Каспаро глядел ему в глаза. — Если не можете спать, смените кого-нибудь.

Он быстро пошел в сторону, остановился и снова поглядел пристально.

— Не узнаю, — сказал он. — Но все равно — спать, спать...

Он повернулся и быстро зашагал вдоль рядов людей, сидевших перед пультами. Званцев услышал его удаляющийся резковатый голос:

— Полделения... Внимательнее, Леонид, полтора деления... Хорошо... Отлично... Тоже хорошо... Деление, Джонсон, следите внимательней... Хорошо... Хорошо...

Званцев встал и пошел за ним, стараясь не терять его из виду. Каспаро вдруг крикнул:

— Товарищи! Все идет прекрасно! Будьте внимательней! Все идет очень хорошо!.. Только следите за стабилизаторами, и все будет очень хорошо!..

Званцев наткнулся на длинный стол, за которым спало несколько человек. Никто не обернулся и ни один из спящих не поднял головы. Каспаро исчез. Тогда Званцев пошел наугад вдоль желтой цепочки огоньков перед пультами.

— Сектор восемнадцать семьсот девяносто заполнен, — сказал новый, бодрый голос.

Званцев понял, что заблудился и не знает теперь, где выход и куда девался Каспаро. Он сел на подвернув-

шийся стул, упер локти в колени, положил подбородок на ладони и уставился на мигавшую свечу. Свеча медленно оплывала.

— Сектор восемнадцать семьсот девяносто восемь... Семьсот девяносто девять... Восемьсот... Заполнен... Заполнен...

— А-а-а-а!!

Кто-то закричал протяжно и страшно. Званцев подскочил. Он увидел, что никто не обернулся, но все как-то разом застыли, напрягли спины. Шагах в двадцати у одного из операторских кресел стоял высокий человек и кричал, схватившись за голову:

— Назад! Назад! А-а-а-а!!

Откуда-то, стремительно шагая, возник Каспаро, кинулся к пульту. В зале стало совсем тихо, только шипел воск.

— Простите! Простите... Простите, — повторял высокий человек.

Каспаро выпрямился и крикнул:

— Слушать меня! Секторы восемнадцать семьсот девяносто шесть, семьсот девяносто семь, семьсот девяносто восемь, семьсот девяносто девять, восемьсот — переписать! Заново!

Званцев увидел, как сотни людей в белом одновременно подняли правые руки и что-то сделали на пультах. Огни свечей заколебались.

— Простите, простите, — повторял человек.

Каспаро подтолкнул его в спину.

— Спать, Генри, — сказал он. — Спать быстро. Успокойтесь, ничего страшного...

Человек пошел вдоль пультов, повторяя одно и то же: «Простите, простите...» Никто не оборачивался. На его место уже сел другой.

— Сектор восемнадцать семьсот девяносто шесть заполнен, — сказал бодрый голос.

Каспаро постоял немного, затем медленно, сильно сутулясь, пошел. Званцев шагнул ему навстречу и вдруг увидел его лицо. Он остановился и пропустил Каспаро. Каспаро подошел к небольшому отдельному пулту, вяло опустился в кресло и так сидел несколько секунд. Потом встрепенулся и, весь подавшись вперед, сунул лицо в большой нарамник перископа, уходящего в пол.

Званцев стоял неподалеку у длинного стола и не от-

рываясь глядел на согнувшуюся от усталости спину Каспаро. Он все еще видел его лицо в колеблющемся свете свечи. Он вспомнил, что Каспаро уже не молод, всего на пять — семь лет моложе Окада. «Сколько лет унесли эти десять суток. Все это скажется, и очень скоро», — подумал Званцев.

К Каспаро подошли двое. У одного вместо капюшона тускло поблескивал круглый прозрачный шлем.

— Не успеем, — тихо сказал человек в шлеме.

— Сколько? — спросил Каспаро, не оборачиваясь.

— Клиническая смерть наступит через два часа. С точностью плюс минус двадцать минут.

Каспаро повернулся.

— Но он хорошо выглядит... Посмотрите, — он ткнул пальцем в нарамник.

Человек в шлеме покачал головой.

— Нервный паралич, — сказал второй очень тихо. Он оглянулся, скользнул выпуклыми глазами по Званцеву и, наклонившись к Каспаро, что-то сказал ему на ухо. Званцев узнал его. Это был профессор Иван Краснов.

— Хорошо, — сказал Каспаро. — Сделаем так.

Двое разом повернулись и быстро ушли в темноту.

Званцев снова сел и закрыл глаза. «Конец, — подумал он. — Не успеют. Он умрет. Он умрет совсем».

— Сектор девятнадцать ноль ноль два заполнен, — повторял голос. — Сектор девятнадцать ноль ноль три заполнен... Сектор девятнадцать ноль ноль четыре...

Званцеву представлялось, что Окада лежит на странном столе под белым мертвым светом, тонкая игла медленно ползет по извилинам его обнаженного мозга и на длинную ленту знак за знаком ложатся сигналы импульсов. Он отлично понимал, что в действительности это происходит совсем иначе, но воображение рисовало именно такую картину: блестящая игла ползет по мозгу, а на бесконечную ленту таинственными значками записывается память, привычки, ассоциации, опыт... А откуда-то наползает смерть, разрушая клетку за клеткой, связь за связью. И нужно ее обогнать.

Званцев почти ничего не знал о кодировании нервных связей, но он знал, что до сих пор не известны границы участков мозга, ведающих отдельными мыслительными

процессами; что Великое Кодирование возможно лишь в условиях самой глухой изоляции и при точнейшем учете всех нерегулярных полей. Поэтому свечи и факелы, и верблюды на шоссе, пустые поселки, и черные окна микропогодных установок, и остановленные самодвижущиеся дороги... Званцев знал, что до сих пор еще не найден способ контроля кодирования, не искажающий код. Каспаро работает наполовину вслепую и кодирует в первую очередь, может быть, совсем не то, что следует. Но Званцев знал и то, что Великое Кодирование — это дорога к бессмертию человеческого «Я», потому что человек — это не руки и ноги. Человек — это память, привычки, ассоциации, мозг. МОЗГ.

— Сектор девятнадцать двести шестнадцать заполнен...

Званцев открыл глаза, поднялся и подошел к Каспаро.

— Профессор Каспаро. Я — океанолог Званцев. Я должен поговорить с академиком Окада.

Каспаро сидел, глядя перед собой. Он поднял глаза и долго смотрел на Званцева снизу вверх. Глаза у него были полузакрытые.

— Это невозможно, — сказал он.

Некоторое время они молча глядели друг на друга.

— Академик Окада ждал эту информацию всю жизнь, — тихо сказал Званцев.

Каспаро ничего не ответил. Он отвел глаза и снова уставился в пространство. Званцев оглянулся. Тьма. Огоньки свечей. Белые серебристые халаты с капюшонами.

— Сектор девятнадцать двести девяносто два заполнен, — сказал голос.

— Все. Конец, — устало сказал Каспаро.

И Званцев увидел маленькую красную лампу, мигающую на пульте рядом с окулярами перископа. «Лампочка, — подумал он. — Значит, все».

— Сектор девятнадцать двести девяносто четыре заполнен...

Из темноты зала изо всех сил бежала маленькая девушка в развевающемся халате. Она кинулась прямо к Каспаро, сильно оттолкнув Званцева.

— Валерий Константинович, — сказала она отчаянно, — остался только один свободный сектор...

— Больше не нужно. — Каспаро поднялся и наткнулся на Званцева. — Кто ты? — спросил он.

— Я океанолог Званцев. Я хотел поговорить с академиком Окада.

— Это невозможно, — сказал Каспаро. — Академик Окада умер.

Он перегнулся через пульт и один за другим повернул четыре рубильника. Ослепительный свет вспыхнул под потолком огромного зала.

* * *

Было совсем светло, когда Званцев спустился в вестибюль. В огромные окна вливался сероватый свет туманного утра, но чувствовалось, что вот-вот проглянет солнце и день будет ясный. В вестибюле никого не было. На диване валялось скомканное покрывало. Свечи догорали на столе между банками и тарелками с едой. Наверху шумели голоса. Званцев оглянулся на лестницу. Где-то там был Михайлов, который обещал проводить его.

Званцев подошел к дивану и сел. По лестнице спустились трое молодых людей. Один подошел к столу и принялся жадно есть. Он двигал тарелки, уронил бутылку с лимонадом, подхватил ее и стал пить из горлышка. Второй спал на ходу, с трудом раскрывая глаза. Третий, придерживая его за плечи, возбужденно говорил:

— ...Каспаро говорил Краснову. Только это и сказал. И тут же Старик повалился прямо на пульт. Мы его подхватили и отнесли в кабинет, а там спит Сережка Круглов. Так мы их рядом и положили.

— Даже не верится, — невнятно сказал первый. Он жевал. — Неужели так много успели?

— Вот чудак! Сколько раз тебе повторять?.. Девяносто восемь процентов. С какими-то десятитысячными, я не запомнил.

— Неужели девяносто восемь?

Возбужденный разозлился:

— Ты, я вижу, совсем отупел — не понимаешь, что тебе говорят.

— Я понимаю, но я не верю. — Тот, что ел, вдруг сел и придвинул к себе банку с консервами. — Не верится. Казалось, дело совсем плохо...

— Р-ребята, — пробормотал сонный. — Пойдемте, а? Сил нет...

Все трое вдруг засуетились и вышли.

По лестнице спускались все новые и новые люди. Сонные, еле передвигающие ноги. Возбужденные, с опухшими глазами, с хриплыми от долгого молчания головами. Смеялись. Спорили. Болтали.

«На похороны это не похоже», — подумал Званцев и повеселел. Он знал, что Окада умер, но в это не верилось. Казалось, что академик просто заснул, только никто пока не знает, как его разбудить. «Ничего, узнают. Девяносто восемь процентов. Совсем не плохо».

Михайлов тронул Званцева за плечо. Он был без плаща и без халата.

— Пойдемте, океанолог Званцев.

Званцев встал и пошел за ним к двери. Тяжелые створки разошлись сами, бесшумно и мягко.

Солнце еще не поднялось, но было светло и по сероголубому небу быстро уходили облака. Званцев увидел плоские кремовые корпуса и улицы между ними, засыпанные красивым опавшим листом. Люди выходили из института и растекались по улицам группками и по двое, по трое. Кто-то крикнул: «Товарищи из Костромы отдыхают в корпусе номер шесть, этажи второй и третий!»

Вдоль улиц редкими цепями продвигались небольшие многоногие кибердворники. За ними оставался сухой серый чистый бетон.

— Хотите шоколаду? — спросил Михайлов.

Званцев покачал головой. Они пошли к шоссе между рядами приземистых желтоватых зданий без дверей и окон. Зданий было много — целая улица. Это были блоки с квазибиомассой, хранилище мозга Окада — двадцать тысяч секторов биомассы, двадцать приземистых зданий с фасадами в три десятка метров, уходящих под почву на шесть этажей.

— Для начала неплохо, — сказал Михайлов. — Но дальше так нельзя. Двадцать зданий на одного человека — это слишком много. Если каждому из нас отводить столько помещений... — он засмеялся и бросил обертку от шоколада на бетон.

«Кто знает, — подумал Званцев, — тебе, может быть, хватит и одного. Да и мне тоже». К брошенной бумажке

неторопливо ковылял кибердворник, постукивая по бетону голенастыми ногами.

— Эй, Санька! — закричал вдруг Михайлов.

Обогнавший их грузовик остановился, и из кабины высунулся давешний водитель с блестящими глазами. Они залезли в кабину.

— Где твои верблюды? — спросил Михайлов.

— Пасутся где-то, — сказал водитель. — Пропади они пропадом! Пока я их выпрягал, они меня снова заплели.

Михайлов уже спал, положив голову на плечо Званцеву.

Водитель — маленький, черноглазый — быстро вел тяжелую машину и тихонько пел, почти не двигая губами. Это была какая-то очень старая, полузабытая песенка. Званцев сначала прислушивался, а потом вдруг увидел идущие низко над шоссе вертолеты. Их было шесть. Тогда он подумал, что теперь вновь закипит жизнь в этой мертвой зоне. Пошли самодвижущиеся дороги. Люди спешат к своим домам. Заработали микропогодные установки и сигнальные световые столбы на шоссе. Кто-нибудь, наверное, уже отдирает фанерный лист с корявыми буквами. Радио передает, что Великое Кодирование закончено и прошло удовлетворительно. На вертолетах, наверное, прилетела пресс-группа — будут передавать на весь мир изображения приземистых желтых зданий и оплывших свечей перед выключенными пультами. И кто-нибудь, конечно, ползет будить Каспаро... И весь мир узнает, что человек совсем скоро станет вечным. Не человечество, а человек, каждый отдельный человек, каждая личность. Ну, положим, сначала это будут лучшие... Званцев посмотрел на водителя.

— Товарищ, — спросил он, улыбаясь, — хотите жить вечно?

— Хочу, — ответил водитель, тоже улыбаясь. — Да я и буду жить вечно.

— И я тоже хочу, — сказал Званцев.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ваши отзывы о содержании и оформлении книги присылайте по адресу: Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.

Укажите свой точный адрес и возраст.

РИСУНКИ С. СПИЦЫНА

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Сборник
ЯНТАРНАЯ КОМНАТА

Ответственный редактор *А. И. Плюснина*. Художник-редактор *Ю. Н. Кисел*.
Технический редактор *П. Л. Трусова*. Корректоры *А. К. Петрова* и *К. Д. Гельман*.
ковская.

Подписано к набору 5/V 1961 г. Подписано к печати 31/X 1961 г. Формат 84×16^{1/2}.

Печ. л. 25,5. Усл. п. л. 42,84. Уч.-изд. л. 43,98. Тираж 65 000 экз. М-74002

Заказ № 124. Цена 1 р. 57 к.

Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова,

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького
Ленинград, Гатчинская, 26.